

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-125-141
УДК 81.42

К ДОСОКРАТИЧЕСКИМ УЧЕНИЯМ В РИТОРИКЕ

Л.Г. Васильев, Н.В. Мельничук

Обоснование. *Овладение риторическим искусством как филологической дисциплиной бесперспективно без научного осмысления предмета речевого воздействия. Последнее возможно лишь при условии овладения знаниями не только современного состояния этой дисциплины, но и умениями анализировать теоретические достижения риторической науки в ее становлении и развитии. Именно это позволяет оценивать адекватность соотношения целей и задач обучения, а также правильность моральных, филологических и педагогических предпочтений образовательного процесса.*

Цель. *В статье с историко-филологических и критико-аналитических позиций рассматриваются научные основания одного из важнейших направлений ранней греческой риторики, представленного в магистральных концепциях древних софистов.*

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили общепилологические и дидактические постулаты двух важнейших авторов этого периода – Антифона и Горгия. Для освещения подходов используется метод критического анализа и методика исторической ретроспективы.*

Результаты. *Исследование показало, что изучение истоков риторики дает правильное направление в ее осмыслении. Преимущественно дидактический характер ранней риторики диктуется ориентацией на практические цели. Тем не менее, проанализированные концепции позволяют утверждать, что в них как в магистральных подходах теоретико-филологическая основа присутствует в виде осмысления существа и перспектив логоса, когда последний рассматривается с акцентом на сопоставление и обоснование конку-*

рирующих воззрений, а также на собственно языковые техники, обеспечивающие эффективность речевого воздействия.

Область применения результатов. Полученные данные могут быть использованы при анализе принципов построения и оценки аргументации в дебатах, а также в вузовских курсах стилистики при обсуждении проблемы эффективности средств речевоздействия.

Ключевые слова: риторика; досократики; софистика; аргументация; дидактика

Для цитирования. Васильев Л.Г., Мельничук Н.В. К досократическим учениям в риторике // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 125-141. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-125-141

CONCERNING THE PRE-SOCRATIC DOCTRINES IN RHETORIC

L.G. Vasilev, N.V. Melnichuk

Background. *Mastering the rhetorical art as a philological discipline must be based on scientific understanding of the subject of speech influence. The latter is only possible if one masters not only the knowledge of the current state of the discipline, but also the ability to analyze the theoretical achievements of the art of rhetoric in its formation and elaboration. That is what enables the scholar to assess the adequacy of the ratio of learning goals and objectives, as well as the correctness of moral, philological and pedagogical preferences underlying the mastery of the subject.*

Purpose. *The article analyzes scholarly principles of one of the most important trends of early Greek rhetoric, represented in the main concepts of the ancient sophists.*

Materials and methods. *The research material was the general philological and didactic postulates of most prominent rhetoricians of the period in question. To highlight the approaches, the method of critical analysis as well the structural-semantic and the philological historical methods are used.*

Results. *The article demonstrates that the study of the origins of rhetoric gives the correct direction to its understanding. The reason of predominantly didactic nature of early rhetoric is its orientation towards practical goals. Nevertheless, the analyzed concepts enable us to assert that in them, as in the main approaches of the time, the theoretical philological basis is present in the form of rationalizing the essence and prospects of pathos and logos, the latter being considered with an emphasis on the comparison and justification of competing views, as well as on the actual linguistic techniques that ensure the effectiveness of verbal influence.*

Practical implications. *The data obtained can be used in the analysis of the principles of construction and evaluation of argumentation in debates, as well as in university courses in stylistics for discussing the problem of the effectiveness of speech means.*

Keywords: *rhetoric; pre-socratics; sophistry; argumentation; didactics*

For citation. *Vasilev L.G., Melnichuk N.V. Concerning the Pre-socratic Doctrines in Rhetoric. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 125-141. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-125-141*

Введение

Цель. Проанализировать с историко-филологических позиций научные основания одного из важнейших направлений ранней греческой риторики, представленного в магистральных концепциях древних софистов.

Актуальность. Овладение риторическим искусством как филологической дисциплиной предполагает осмысления предмета речевого воздействия. Это представляется возможным при условии овладения знаниями не только современного состояния этой дисциплины, но и умениями анализировать теоретические достижения риторической науки в ее становлении и развитии.

Современное состояние почти любой научной дисциплины невозможно адекватно описать, если мы не будем прибегать к освещению истоков этой дисциплины. Такими истоками могут быть как

собственно научные узко-дисциплинарные наработки, так и общий научный фон в разные исторические периоды развития исследуемой дисциплины.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили научные комментированные переводы корпуса речей оратора Антифонта, диалоги Плвтона, Горгия. При анализе материала использовались лексико-семантический метод, а также метод контент- и компонент-анализа.

Результаты и обсуждение

Не следует забывать об общественно-политической атмосфере в разные периоды развития конкретной науки – хотя бы в следующих аспектах: (а) соответствовали ли исторические условия потребности в зарождении и становлении данной науки; (б) имелись ли для такого становления общекультурные предпосылки (т.е. достаточно ли развита интеллектуально была конкретная культура в целом); (в) было ли востребовано общественно-политической системой само проведение научных изысканий и насколько независимы в выражении своих научных идей были исследователи.

Например, в отношении риторики как отрасли прикладного языкознания освещение названных параметров должно учитывать следующее:

(а) исторические условия становления риторики сложились в Др. Греции как в признанном флагмане демократии – это потребность в отстаивании интересов граждан в общественном суде присяжных в условиях отсутствия в городах-полисах институтов обвинения и защиты; это дало толчок развитию искусства красноречия и аргументирования; в противовес этому – условия централизации власти в Др. Риме с формированием судебных институтов и появлением профессиональных юристов увело риторику от логоса – поиска собственно доказательных аргументов – в сторону пафоса как искусства воздействия на чувства с помощью стилистико-языковых средств;

(б) появление искусства риторики в Др. Греции и дальнейшее ее развитие в Европе было связано с мощной ориентацией на философские, политические и далее – на естественно-научные изыскания;

(в) в Др. мире проведению научных изысканий власти в целом не препятствовали, а вот в Ср. Века в Европе в 7–10 вв. (Тёмные Века – см.: [8]) с закатом влияния распавшейся Римской империи, заселением западной части Римской империи потомками прежде безграмотных варваров, развитием сельскохозяйственной ориентации стран и становлением феодализма наблюдался упадок наук; науки в западной Европе постепенно переместились в монастыри (вплоть до появления там в 12 в. свободных университетов [10]), а свободные изыскания предпринимались редкими учёными и преследовались (ср. инквизицию); возрождение интереса к научным изысканиям произошло уже после 12 в. – в основном в эпоху европейского Возрождения.

Мы же обратимся к периоду становления риторики в ее сицилийско-аттическом варианте досократиков (5 и далее вв. до н.э.). Пособия по риторике, дошедшие до нас (точнее, до Западной Европы) и доступные с 5 в. до н. э. можно считать наиболее полно концептуализированным выражением дидактической риторики того времени. Не будет ошибкой утверждать, что эти пособия являются прямыми предками большей части работ по риторике в классические и в более поздние времена. Однако справочники (см.: [2]) были не единственным источником навыков для тех, кто хотел научиться публичным выступлениям и аргументации. Многие из таких желающих продолжали следовать не предлагаемым разработкам, а старой традиции подражания успешному оратору, которая осуществлялась практически без осознанной рефлексии над используемыми приемами, и такой подражательный метод стал характерной формой изучения риторики в исследовательско-педагогическом направлении, которое можно условно назвать школами софистов.

Слово *софист* происходит от прилагательного *σοφιστής*, означающего *мудрый*, и может быть переведено как *специалист*. В 5 в. до н.э. Протагор и другие риторы использовали этот термин для

идентификации себя как представителей определенной профессии. Софисты были независимыми исследователями и преподавателями для тех, кто желал добиться успеха в гражданской жизни греческих городов-государств. Большинство софистов не были афинянами, но афинская молодежь составляла их основную клиентуру. Они преподавали главным образом путем публичного или частного декламирования речей, в которых в яркой форме излагались их идеи и методы доказывания. Некоторых из ведущих софистов, например, Протагора, можно по праву считать философами, которые развивали идеи и публиковали трактаты по тому, что мы могли бы сейчас назвать эпистемологией, антропологией, лингвистикой и почти всем, что связано с человеческой жизнью и верой. Другие были не более чем учителями приемов аргументации или акцентирования внимания.

Ключевым вопросом в их изложении часто была противоположность между тем, что греки называли *φυσική* (*physis*), или природой (т.е. тем, что объективно истинно и физически наблюдаемо), и *νόμος* (*nomos*), что означает закон – все созданные человеком институты и условности. Изложение софистами парадоксов и противоречивых моральных взглядов, предпринимаемое в энергичной, а зачастую и в просто вызывающей форме, продемонстрировало потенциал риторики для осуществления социальных изменений, а также для (аморального) самовозвеличивания. Представляется в связи с этим, что дальнейшее – в Средние века – выведение риторики из сферы внимания собственно науки связано не в последнюю очередь с забвением названной греческой дихотомии, фактическим отрицанием субъектного фактора в рамках физикализма, чего несложно было бы избежать, оставив названное разведение, тем более, что в конце концов это и случилось в новейшее время при демаркации естественных и социогуманитарных дисциплин. Сама странность господства в науке собственно физикализма может в известной мере быть связана со своеобразным ‘когнитивным протестантизмом’ в «просвещенной» Европе того времени – но это, конечно, вопрос отдельного изучения.

Что именно происходило в школах софистов, т.е. работали ли они по планам и каким дидактическими стратегиями пользовались, доподлинно не известно, но центральным занятием, безусловно, было прослушивание выступлений софиста или *чтение* версий его речей с последующим запоминанием или имитацией – воспроизведением этих речей в качестве моделей. Некоторые из этих моделей были во многом полезны для человека, готовящегося к выступлению в суде; другие же носили в большей мере амбициозный и красочный характер. Самым ранним примером первого типа и лучшей иллюстрацией того, как судебному ораторскому искусству можно научиться из софистических образцов речей, являются Тетралогии Антифона (Антифонта).

Антифон. Антифон, предполагаемый автор этих речей, по всей вероятности, был олигархическим политиком, которого казнили в результате провала революции 411 г. до н.э. в Афинах. Если это так, то он также является автором трех сохранившихся речей, написанных для клиентов на процессах по убийствам в Афинах; возможно также, что он был человеком, известным как Антифон Софист, автором трактата под названием «Об истине» (см. подробнее: [5]).

Сами Тетралогии представляют собой три набора из четырех речей, две для обвинения и две для защиты в каждом случае, в воображаемых судебных процессах по афинским законам об убийствах. Они были составлены в третьей четверти 5 в. до н.э. и были явно предназначены для того, чтобы служить образцами эффективных приемов судебного ораторского искусства. При этом имитационный характер речей касался имитации не проблемы (ситуации моделировались в явной ориентации на частотные ‘кейсы’ в юридической практике), а собственно обстановки слушаний. Именно поэтому названные наборы и являются значимыми для анализа.

Ситуация, представленная в первой речи Тетралогии, выглядит следующим образом. В безлюдном месте был убит человек. Сопровождавший его раб также подвергся нападению и умер через некоторое время от ран, заявив, что убийцей был человек, который впоследствии предстал на судебных слушаниях в качестве обвиня-

емого. Ни одному из персонажей Тетралогий не дано никаких имен. Судебное разбирательство по подобному делу проводилось бы в Ареопаге, древнем совете с судебными полномочиями, состоящем из всех бывших архонтов (высших должностных лиц в древнегреческих полисах); сложно оценить число тех, кто служил в Ареопаге, но это вполне может быть сотня человек или даже больше. Поскольку в Афинах не было государственного обвинителя, уголовные иски возбуждались любым, кто чувствовал себя обиженным. В судебных процессах по делу об убийстве это обычно был близкий родственник покойного. В данном случае обвинитель утверждает, что обеспокоен риском бунта, который может произойти в городе, если убийце будет позволено выйти на свободу. Обвинитель начинает свою речь следующим образом:

«Если преступление является результатом действий или заговора обычных граждан, доказать это несложно; а вот когда преступниками являются люди со значительными способностями, по-житейски опытные и находящиеся в расцвете своего интеллектуального развития, то обнаружить и осудить их трудно. Из-за риска быть уличенными в преступлении они уделяют большое внимание безопасности своих схем поведения и не предпринимают никаких действий до тех пор, пока не будут устранены все подозрения. Зная это, вам [судьям] необходимо внимательно отнестись и довериться любой вероятности, которую вы сейчас узнаете. < ... > [7, с. 26].

Затем он излагает вероятные кандидатуры убийц.

«Маловероятно, что погибшего убили грабители, потому что ни один грабитель, рисковавший своей жизнью, не отказался бы от предмета своего ограбления, когда он был у него в руках. Тем не менее, жертва была найдена со всем имуществом – оно [буквально «их плащи»] было нетронутым. И никто не убивал жертву в пьяном угаре, потому что у нас была бы информация от братьев по выпивке или от свидетелей. Убийство также не было результатом ссоры, потому что ссорящиеся не стали бы спорить посреди ночи и выбирать для этого безлюдное место. Убийца также не убил жертву по ошибке, приняв ее за кого-то другого, потому что он не убил бы

вместе с жертвой и его раба. А поскольку все эти три возможности отвергаются, факт смерти указывает на то, что человек умер в результате преднамеренного убийства. И кто с большей вероятностью напал бы на него, чем тот, кто уже претерпел от него большие обиды и ожидал, что пострадает еще больше? Такой человек есть, и этот человек – ответчик». ...> [Там же, с. 27].

Оратор продолжает свое развитие вероятностей, затем добавляет показания раба в качестве их подтверждения и, наконец, резюмирует то, что он сказал, и подчеркивает важность изгнания обвиняемого из города. Речи в греческих судах иногда были довольно короткими, но эта модель, не имеющая большого материала для усиления убедительности, особенно коротка. В частности, настоящая речь включала бы в себя повествование; здесь же у нас есть только вступление (proemium), доказательство из вероятностей, свидетельства и эпилог.

Во второй, уже защитной, речи в той же Тетралогии интересно посмотреть, как обвиняемый реагирует на приведенный аргумент.

По афинским законам он обязан защищать себя, и он отвечает, не соглашаясь с первым доводом обвинителя о том, что маловероятно, что человек, бродящий среди ночи, мог быть убит за свою собственность. Не соглашается он, используя тот же принцип вероятности – мол, то, что убитого не ограбили, еще ни о чем не говорит – потому что если нападавшие не унесли его вещи, то это, вероятно, потому, что убежали в страхе перед кем-то, кто приближался. А такое бегство очень вероятно, т.е. убийцы были вполне благоразумны, чтобы предпочесть выгоду, а не свою безопасность.

Далее он выдвигает другие мотивы убийства и отвергает показания раба, который указал на обвиняемого, на трех основаниях, двух личностных и одном социумном: (1) что в страхе за свою жизнь даже будучи тяжело раненым, но благоразумным, он вряд ли назвал бы убийцу; (2) в своем предсмертном состоянии, опять-таки, исходя из благоразумия, он, скорее всего, согласился бы на что угодно, чтобы угодить семье своего хозяина – чтобы получить лечение; (3) в социумном плане, по афинскому законодательству показаниям

рабов нет доверия (если только они получены не под судебной пыткой – впоследствии, правда, эта малоэтичная норма была отменена).

Аргументация в других тетралогиях аналогична, и практика Антифона в трех сохранившихся речах, написанных для участников реальных дел, в основном выполнена в том же духе. Даже фрагменты его речи в свою собственную защиту по обвинению в государственной измене указывают на то, что они основаны на принципе вероятности – он утверждал, что маловероятно, что он замышлял бы свержение правительства в своих собственных интересах.

Тетралогии Антифона являются примерами формы риторического обучения, которая процветала в Афинах. В случае аргументации на основе вероятности, как показано в Тетралогиях, а сама эта техника была зафиксирована и концептуализирована в справочниках 5 в. до н.э.

Ученики софистов не обязательно запоминали и воспроизводили *только* целые речи. Софистическое красноречие было в значительной степени стилизацией или соединением общих мест (топосов), длинных или коротких [7]. Такие топосы были своего рода опорами-заготовками, моделями для разных типов ситуаций. Топосы – это частные стандартизированные аспекты рассмотрения любой темы. Вообще, топосы – это ценностные суждения, принимаемые как оратором, так и аудиторией. Примерами топосов могут служить, например, Определение; Целое – Части; Род – Вид; Свойства – Характеристика; Противоположность; Имя (рассуждение о названии).

Сохранилась также коллекция введений, или *проэмий*, Демосфена, а также обсуждение стиля, усиления и эмоциональной привлекательности в описании справочников в «Федре» [4]. Другой пример – во фрагментарной речи против софистов Исократ сравнивает преподавание риторики некоторыми софистами с обучением алфавиту. Студент запоминал отрывки как буквы и составлял речь из этих элементов, как составляют слова из букв. При этом софисты не могли научить своих учеников, как комбинировать отрывки, ибо композиция – это творческий процесс, а не нечто с определенными правилами как правописание [7, р. 31-36]. Использование общих

мест софистического типа остается характерным для софистического красноречия, а также для некоторых вторичных риторических приемов.

Горгий. Общеизвестным фактом можно считать то, что среди софистов самым известным в истории риторики является Горгий (Γοργίας; около 480 г. до н.э., г. Леонтины), чья жизнь длилась примерно по 375 г. до н.э. Горгий был уроженцем греческой колонии на Сицилии, расположенной недалеко от Сиракуз, и получил блестящее по тем временам образование и воспитание (что, впрочем, было неразделимо). Предполагается, что он был учеником философа, жреца и врача Эмпедокла (основателя школы ораторского искусства в Сицилии), учителем Исократ и, возможно, был знаком с Кораксом или с Тисием, известнейшими законодателями софистического образовательного бонтона того времени. В 427 г. власти города отправили его послом в Афины, где его необычный ораторский стиль за короткое время стал весьма модным.

Хотя приемы, которые он использовал, были в основном заимствованы из греческой поэзии (как и было принято в те времена у риториков) и по отдельности могли быть найдены на аттическом греческом (языке Афин) и до его прибытия, он использовал их в беспрецедентной степени. В устах Горгия ораторское искусство превратилось, пользуясь его же таксисной техникой, в дискурс ‘переключки рифмующихся слов и перекликающихся словесных ритмов’.

Антитетическая структура, присущая др.-греческому синтаксису, стала у Горгия *idée fixe*. Сам антитетический принцип, т.е. структура с антитезисом, хотя и основан на логическом принципе противопоставления, требует не только наличия противоположных идей, но и лингвистического обеспечения, т.е. того, чтобы оппозиция в разных частях текста репрезентировалась посредством сходной грамматической структуры. Предложения были построены с постоянным параллелизмом и вниманием к соответствующей длине, вплоть до выравнивания количества слогов в каждом.

Такое построение текста принято называть ‘горгиевым стилем’. Конкретные модели, на которых этот стиль основан, называются ‘схе-

мы', или 'фигуры'. Описания фигур встречаются в трактатах уже в 4 в. до н.э. Более поздние авторы продолжали рассматривать фигуры Горгия как группы (говоря современным языком, фразовые/синтаксические комплексы) и часто считали их несколько неуклюжими. Во времена же самого Горгия им широко подражали – например, историк Фукидид, оратор Лисий, ритор Исократ, но, конечно, с большей сдержанностью, чем их создатель. Сам же Горгий в филологическом отношении позаимствовал фигуры из поэзии, где все они встречаются до его времени, но с более сдержанной плотностью. Это период первого развития художественной (в этом, как представляется, состоит специфика до-сократической риторики) прозы на греческом языке, и неудивительно, что поэзия послужила образцом для стиля.

Столь пристальное внимание к фигурам и их прагматический смысл у Горгия определяется, по-видимому, несколькими факторами. Во-первых, нельзя исключать стремление Горгия привлечь к себе внимание как к учителю речи – даже при том, что он был одним из самых обеспеченных людей того времени и не нуждался в деньгах настолько, насколько они требовались другим досократикам. Во-вторых, логично предположить – хотя бы уже в силу упомянутого социального статуса – наличие определенных амбиций, которые позволяли Горгию ощущать себя выше остальных риторов. Наконец, в методологическом плане можно считать, что Горгий следовал некоей еще не оформившейся, но, несомненно, глубинной 'теории' речи. Так, крупный авторитет в области античности Ж. де Ромилли утверждает, что Горгий видел в речи ту же самую магию, которая проявлялась в религиозной поэзии или в исцеляющих заклинаниях дорациональных знахарей [9, p. 22]. Если это так, то горгиевы фигуры следует рассматривать в инструментальном плане – как особые приспособления, с помощью которых он стремился 'творить' свою магию. Это пафосные техники, которые возбуждают страсти или овладевают умом и побуждают слушателя к бессознательному согласию с говорящим.

Мнение о Горгии как о маге, по-видимому, подтверждается общей реакцией на него в древности. Его считали именно ритором, а не философом, а цитаты или ссылки на него у древних писателей в

основном относятся к речам. Более того, у Платона он вовсе представлен совершенно неспособным к умозрительным построениям или к рефлексии над тем, что он делает [3].

Однако некоторые ученые XX в. считают, что Горгий был серьезным философом, интересовавшимся онтологией и эпистемологией и находившимся под влиянием пифагорейцев и Эмпедокла [6, р. 12]. Горгий разделяет с философами интерес к противоположностям и любовь к антитезису. Что еще более важно, его трактат «О несуществующем» («О природе»), который сохранился в виде набросков, можно рассматривать как серьезную попытку рационализации логического рассуждения, т.е. он дает выход в современную аргументологию, особенно в серийный аргумент, который можно представить как условно-категорический силллогизм или даже в виде цепочки Оговорок (Rebuttals), в терминологии С. Тулмина – (см.: [1, с. 11]): Горгий утверждает, что ничего не существует, что даже если что-то и существует, оно непостижимо для человека, и даже если бы это было постижимо, было бы невозможно передать. Этот аргумент подкрепляется выявлением и устранением альтернативных возможностей (это важно с точки зрения применимости параметра лингвистической значимости к облигаторным дискурсивным макрофункциям из уже упомянутой римской пентады). Такой способ рассуждения, а главное, его семантическая составляющая может, в известном отношении, быть расценена как методологическое обоснование философского принципа, а именно: ‘поскольку истина не может быть познана рационально, функция субъекта (оратора) заключается не в логическом доказывании (логосном дискурсе), а в эмоциональном представлении (пафосном дискурсе), которое пробудит в аудитории желание верить оратору’.

Заключение

Философский подход к Горгию, ценный тем, что он связан с другими интеллектуальными достижениями 5 в. до н.э., возможно, преувеличивает его интеллектуальную изощренность и приписывает ему нехарактерную силу концептуализации. Горгий подражал

тому, что он находил в философах и в поэтах, но он брал от них идеи не как эпистемологические постулаты, а как возможности техники речи. В целом, значимость Горгия для теории языка и прикладной лингвистики видится в том, что он был первым, кто предпринял попытку концептуализации риторических средств, которые мы теперь именуем тропами и фигурами речи.

Досократическое направление в риторике, конечно же, не исчерпывается именами Антифона и Горгия (см. об этом: [5]), однако эти ученые дали мощнейший толчок к развитию интеллектуального осмысления публичного дискурса.

Список литературы

1. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. М., Калуга: Ин-т психологии РАН, 1994. 220 с.
2. Васильев Л.Г., Неборская В.В., Садыкова М.А. К ориентационным принципам риторических руководств // Казанская наука. 2022. № 9. С. 110-112.
3. Платон. Горгий. URL: <https://royallib.com/read/platon/gorgiy.html#0> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Платон. Диалоги. URL: https://vk.com/doc4605748_437248458 (дата обращения: 20.01.2023).
5. Суриков И.Е. Научный комментированный перевод корпуса речей оратора Антифона. URL: <https://simposium.ru/ru/book/export/html/13543> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Enos R.L. The Epistemology of Georgias' Rhetoric: A Re-Examination // Southern Western Communication Journal, 1979, vol. 42, pp. 35-51.
7. Kennedy G.A. Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980, 291 p.
8. Mommsen Th.E. Petrarch's Conception of the 'Dark Ages' // Speculum (Cambridge MA: Medieval Academy of America), 1942, vol.17, no. 2, pp. 226-227.
9. Romilly J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. N.Y. etc.: Harvard Univ. Press, 1973, 108 p.

10. Rüegg W. Foreword. *The University as a European Institution // A History of the University in Europe, 1992, Vol. 1: Universities in the Middle Ages*. Cambridge: University Press, pp. 19-20.
11. Toulmin S. *The Uses of Argument*. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1958, 415 p.
12. Untersteiner M. *The Sophists / Transl. by K. Freeman*. Oxford: Blackwell, 1954, 368 p.
13. Walton D.N. *A Pragmatic Theory of Fallacy*. London, Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1995, 324 p.
14. Wardy R. *The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and their successors*. London: Routledge, 1996, 208 p.
15. Wilson B. *The Anatomy of Argument, Revised Edition* Lanham. New York. London, University Press of America, 1986, 388 p.

References

1. Vasilev L.G. *Argumentativnye aspekty ponimaniya* [Argumentative aspects of understanding]. Moscow, Kaluga: In-t psikhologii RAN, 1994, 220 p.
2. Vasilev L.G., Neborskaya V.V., Sadykova M.A. K orientatsionnym printsipam ritoricheskikh rukovodstv [To orientational principles of rhetorical guides]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2022, no. 9, pp. 110-112.
3. Plato. *Gorgii* [Gorgias]. URL: <https://royallib.com/read/platon/gorgiy.html#0> (accessed January 20, 2023).
4. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. URL: https://vk.com/doc4605748_437248458 (accessed January 20, 2023).
5. Surikov I.E. *Nauchnyi kommentirovannyi perevod korpusa rechei oratora Antifonta* [Scientific commentary translation of the corpus of orator Antiphon's speeches]. URL: <https://simposium.ru/ru/book/export/html/13543> (accessed January 20, 2023).
6. Enos R.L. The Epistemology of Georgias' Rhetoric: A Re-Examination. *Southern Western Communication Journal*, 1979, vol. 42, pp. 35-51.
7. Kennedy G.A. *Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times*. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980, 291 p.

8. Mommsen Th.E. Petrarch's Conception of the 'Dark Ages'. *Speculum* (Cambridge MA: Medieval Academy of America), 1942, vol.17, no. 2, pp. 226-227.
9. Romilly, J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. N.Y. etc.: Harvard Univ. Press, 1973, 108 p.
10. Rüegg W. Foreword. The University as a European Institution. *A History of the University in Europe*, 1992, vol. 1: Universities in the Middle Ages. Cambridge: University Press, pp. 19-20.
11. Toulmin S. The Uses of Argument. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1958, 415 p.
12. Untersteiner M. The Sophists / Transl. by K. Freeman. Oxford: Blackwell, 1954, 368 p.
13. Walton D.N. A Pragmatic Theory of Fallacy. London, Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1995, 324 p.
14. Wardy R. The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and their successors. London: Routledge, 1996, 208 p.
15. Wilson B. The Anatomy of Argument, Revised Edition. Lanham. New York. London, University Press of America, 1986, 388 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Васильев Лев Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

*ул. С. Разина, 26, г. Калуга, 248023, Российская Федерация
argumentation@mail.ru*

Мельничук Наталия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Государственное образовательное учреждение высшего образования «Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко»

*ул. 25 Октября, 128, г. Тирасполь, MD-3300, Молдова, Прид-
нестровье
natki@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lev G. Vasiliev, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Linguistics and Foreign Languages
*K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University
26, S. Razina Str., 248023, Kaluga, Russian Federation
argumentation@mail.ru
SPIN-code: 7745-2596
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7966-670X>*

Nataliia V. Melnichuk, Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Romano-Germanic Philology
*T. G. Shevchenko Pridnestrovien State University
25, Ocyabra Str., 128, Tiraspol, MD-3300, Moldova, Pridnestrovie
natki@inbox.ru
SPIN-code: 7135-0477
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0131-607X>*

Поступила 16.02.2023
После рецензирования 09.03.2023
Принята 20.03.2023

Received 16.02.2023
Revised 09.03.2023
Accepted 20.03.2023